

**СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ОТЕЦ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ
И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ**
(вторая половина XIX — начало XX в.)

*А. И. Яковлев, д. и. н.
(МГУ им. М. В. Ломоносова)*

**СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Представляется, что личность и деятельность св. праведного отца Иоанна Кронштадтского могут рассматриваться не только в контексте церковной жизни, но и как явление общественной жизни России конца XIX — начала XX в.

Исходя из этого, возможно рассматривать русское общество как объект деятельности о. Иоанна, а также как субъект в восприятии личности и деятельности самого о. Иоанна.

Имеет смысл оговорить, что в данном случае разделяются понятия «народ» и «общество», причем последнее понятие охватывает преимущественно образованную и социально активную часть населения в городах.

Отец Иоанн за годы своего служения стал не только выдающимся церковным деятелем, но и выдающимся общественным деятелем. И если первое стало очевидностью и для нас, и для его современников, то второе непривычно опять-таки — было для его современников и странно для нас, знающих стесненное положение Церкви в Синодальный период.

Обретя на 17-м году священства авторитет и определенные возможности, в деле благотворительности действует он новым образом, используя не только проповеди с амвона, но и печатные воззвания в газете «Кронштадтский вестник». Иначе говоря, для своей социальной деятельности о. Иоанн использует не только церковные средства, а язык его газетных воззваний — это язык того времени. Вот почему его можно считать новатором. Это его дело вполне вписывается в эпоху коренного преобразования России, эпоху Великих реформ, когда лучшие силы русского общества и народа стремились к устранению негативных явлений, когда создавались новые основы для жизни огромной страны.

Созданный по инициативе и при участии о. Иоанна Дом трудолюбия (открыт в октябре 1882 г.) — явление уникальное для России в ту эпоху, хотя в стране имелись десятки благотворительных учреждений (богадельни, приюты, училища). Там оказывалась нуждающимся помощь деньгами и вещами, имелись разные мастерские для мужчин и женщин, помещения для дешевого ночлега; детям предоставлялось начальное и специальное ремесленное образование; имелась бесплатная амбулатория; при Доме устраивались общедоступные лекции для народа. Он стал не только крайне полезным социальным учреждением для народных низов, но и побудительным примером для верхов общества.

В то же время отметим сдержанное отношение как общества, так и государства, власти к деятельности о. Иоанна. Не стоит обманываться тремя орденами, дарованными ему. Ведь неустанная и очевидно полезная деятельность священника свидетельствовала о не востребованности огромного потенциала русского общества. Однако самостоятельная активность общества в социальной сфере хотя и дозволялась, но не поощрялась как светской, так и церковной властью. По сути, Дом трудолюбия стал овеществленным укором не столько русскому обществу, сколько русской власти.

Власть не могла не считаться с объективным положением и авторитетом о. Иоанна и попыталась это использовать в своих интересах. Так можно расценить участие и покровительство о. Иоанна Союзу Русского народа, монархической организации правого толка, не имевшей широкой социальной поддержки в обществе и народе. Он не был политиком, он любил Россию.

В своей проповеднической деятельности о. Иоанн оставался независимым, верным своим убеждениям. В его биографии, принадлежащей перу епископа Александра Семенова-Тянь-Шанского, анализируется содержание проповедей на политические темы. Владыка Александр отмечает, что в его проповедях «нигде нет нередких в ту пору казенных комплиментарных фраз», а «главную целью его слов остается забота о духов-

ной жизни его слушателей»; в годы русско-турецкой войны 1877–1878 гг., по словам епископа Александра, он «предостерегает с церковного амвона как против завоевательных стремлений, так и против славянского шовинизма, направленного на другие племена», тем самым становясь выше многих политических страстей», будучи независимым даже тогда, когда «страсти, волновавшие русское общество, были возвышенного характера»¹.

Однако в годы первой русской революции и русско-японской войны 1904–1905 гг. о. Иоанн резко осуждал революционные симпатии в русском обществе и в среде интеллигенции: «Отчего ныне многие русские интеллигенты ненавидят Россию и желают ей зла и злорадствуют о ее неудачах? Оттого, что они отвергли учение Матери своей Церкви»².

Восприятие о. Иоанна в русском обществе было неоднозначным. Он — служитель алтаря Божия, а в нем видят кто — пророка, кто — чудотворца, кто — ловкача, кто — обманщика. О необыкновенном священнике начиная с 1890-х гг. писали в газетах, он получил всероссийскую известность.

Например, русский разночинец-интеллигент А. С. Суворин, ставший и предпринимателем, и журналистом, и писателем, в одной из своих статей в «Новом времени», осмысляя феномен кронштадтского батюшки, пишет: «Самое симпатичное мне чудо, которое о. Иоанн делает иногда, заключается не в тех чудесах, которые рекламируются газетами столь недостойно и столь богохульно, а в том добром влиянии, которое он производит на людей, перестающих пьянствовать, ругаться непристойно, воровать, ненавидеть, лениться, в том влиянии, которое заставляет богатых жертвовать и пробуждает в них искру любви. Больше любви ничего нет, и она только — великое чудо, если крепко посеяна в сердце человека»³.

Личность и деятельность Кронштадтского батюшки воспринимались как в церковных рамках, так и вне их. В церковном народе жила память о великих русских святителях и почитание живущих праведников. Для этой части народа и общества о. Иоанн стоял в ряду святителя Феофана Вышенского, Оптинских старцев, о. Варнавы Гефсиманского.

Но значительная часть русского общества к началу XX в. лишь формально числилась православною, фактически же вышла из церковной ограды. И вот для нее о. Иоанн представлялся не только священнослужителем, но и своеобразным общественным деятелем — масштаба Льва Толстого.

Вероятно, впервые это сопоставление сделал А. С. Суворин в своей статье в «Новом времени» в апреле 1894 г.: «Мы живем в такое время, когда два лица как бы соперничают между собою в области религиозного влияния — граф Толстой и о. Иоанн Кронштадтский. Не удивляйтесь этому сопоставлению. Оно не притянуто мною искусственно, ибо оба они нисколько не выходят из общих рамок русской жизни и нисколько не новы. Отец Иоанн является представителем православия во всей его законности и его привлекательности для верующей православной души, ищущей исцеления, очищения от грехов, надежды на Божие милосердие и на Божие чудо. Граф Толстой — представитель другого направления, реформатского или раскольничьего, доведенных до крайних пределов. Оба они, как известно, пишут и излагают свое учение, один — православное [о. Иоанн все же не свое, а Церкви. — А. Я.], другой — свое собственное, но которое он считает древнехристианским... Далее между ними едва ли есть сходство, но важно то, что оба они — русские люди, идущие по двум течениям нашей религиозной жизни»⁴.

Стоит обратить внимание на причины, по которым в то время русская литература приняла на себя функции «учителя жизни» и воспринималась в таком качестве значительной частью русского общества (не народа), функции, свойственные Церкви. Тем самым, и о. Иоанн, и граф Л. Н. Толстой фактически реализовывали две тенденции учительства в общественной жизни.

Отец Иоанн отмечал, что так называемая «светская литература совершенно чужда христианскому духу. Она даже стыдится духа Христа». Однако в переживаемое русским обществом переходное время литература в большей степени стремилась и отразить «текущие вопросы», и предложить ответы на них.

Для русской интеллигенции Толстой виделся абсолютным нравственным авторитетом, но показательно, что в восприятии русского общества именно о. Иоанн представлялся равновеликим духовным авторитетом. (Любопытно, что они были ровесниками: 1828 и 1829 годов рождения.)

¹ Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп. Отец Иоанн Кронштадтский. Клин, 2002. С. 245.

² Там же. С. 248, 252.

³ Суворин А. В ожидании века XX. Маленькие письма 1889–1903 гг. М., 2005. С. 376.

⁴ Там же. С. 374.

Критика о. Иоанном религиозных взглядов и деятельности Толстого известны, и кронштадтский священник не был одинок в своем разоблачении и осуждении учения Толстого, великого писателя, но в то же время антицерковника, безбожника, кощунника. Но голос о. Иоанна был особенно значим, особенно авторитетен, его нельзя было замолчать.

В проповедях о. Иоанна немало прямых обращений к русской интеллигенции, чьи притязания на руководящую роль в стране он отвергал. «Отчего гордые интеллигенты стремятся в опекуны и правители народа, не понимая этого народа и его действительных нужд и не любя его?», — вопрошал он в слове на праздник Благовещения. В слове на день св. великомученицы Варвары он обращает внимание на негативное влияние светской литературы: «Светские писатели, занятые только миром земным, греховным, который ищет удовлетворения всяческих страстей — особенно плотской любви, кровавой мести, шумных пирушек — или смеется над слабостями людскими, особенно низшего сословия, или полагает счастье в богатом наследстве, чтобы жить в свое полное удовольствие, — потворствует всяким греховным страстям, сокрытым в каждом человеке, как искра под пеплом, раздувают в нем огонь страстей... Последствием этого бывает у таких читателей полная холодность к Богу, к Церкви, к слову Божию, как к чему-то чуждому; и они живут односторонней, только низшей, временной, мирской, греховной жизнью. Таково в большинстве наше интеллигентное общество и юношество, зачитывающееся только светскими писателями»⁵. Очевидно, что это не отрицание светской литературы как таковой, а указание ее истинного места в духовной жизни общества.

Почему же влияние о. Иоанна оказалось меньшим? Дело не только в искушениях и соблазнах буржуазного общества и западного опыта развития. Вероятно, Церковь оказалась не готова к деятельности в изменившихся условиях. Сам о. Иоанн оставался человеком уходящей эпохи, его взгляды и мировоззрение сформировались на основе традиционных православных ценностей русского народа, чего уже было недостаточно на рубеже эпох.

И если в первой четверти XIX в. рядом с влиянием Церкви было влияние русской классической культуры, если в круг общения святителя Филарета (Дроздова) и святителя Игнатия (Брянчанинова) входили Карамзин, Державин, Боровиковский, Бортнянский, Пушкин, Лабзин, Жуковский, то к концу XIX в. и началу нового века ситуация кардинально изменилась. Пути русской культуры и Церкви разошлись.

К началу XX в. русское общество пережило эпоху Великих реформ, коренную социально-экономическую трансформацию и уже вступило в эпоху модерна, родовой чертой которого стало отрицание традиции и выработка своей, новой системы ценностей. Новые системы ценностей и новые цели развития в сфере политики, морали и культуры русскому обществу предлагали либералы, и революционеры, и консерваторы. Русская классическая культура, основанием которой служила система традиционных ценностей, оставалась в прошлом; деятели новой культуры в лучшем случае были рядом с Церковью, но чаще — вне ее. В обществе возникли кумиры, отрицавшие традицию, в духовной жизни звучали призывы к «свободной религиозности», борьбе против «догматизма в теории и практике». Церковь же не могла заявить о себе в полный голос.

По свидетельству митрополита Вениамина (Федченкова), в 1904 г. очевидным было «общее недуховное состояние России»; «внешность религиозная у нас продолжала быть еще блестящей, но дух очень ослабел»⁶. А философ С. Л. Франк констатировал невосприимчивость «современной интеллигенции к религиозному чувству и религиозному отношению к жизни»⁷.

Тем не менее, голос Церкви прозвучал — это Религиозно-философские собрания в Петербурге в 1901—1903 гг. Но при чтении стенограмм заседаний этих Собраний обращает на себя внимание внутренняя отъединенность большинства ораторов от Церкви. Вот князь С. М. Волконский осуждает взгляд о. Иоанна на свободу совести, однако называет его «почтенным иереем»; вот типичный интеллигент-разночинец М. А. Сопочко признает: «Не все священники окаянны; мы знаем пример — Иоанн Кронштадтский. Нет ни одного человека, даже нигилиста, который бы не относился к нему с уважением»⁸.

Последнее утверждение — явное преувеличение. Против о. Иоанна в левой и революционной печати была развернута яростная кампания, он был выведен в комическом виде в нескольких пьесах, его осуждали за отъезд из Кронштадта во время мятежа в 1906 г. А позднее, после резкого осуждения им революции и даже либерализма, со стороны радикальной части русского общества на него обрушились ненависть и злоба.

⁵ Цит. по : Александр (Семенов-Тянь-Шанский), еп. Цит. соч. С. 253.

⁶ Вениамин (Федченков), митр. Божьи люди. М., 2002. С. 197.

⁷ Франк С. Л. Лев Толстой и русская интеллигенция // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996. С. 441.

⁸ Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901—1903 гг.). М., 2005. С. 101, 446.

Известная деятельница кадетской партии А. В. Тыркова-Вильямс вспоминала, что в молодые годы брала на веру «интеллигентскую предвзятость, предубежденность против чудака священника, который привлекает в Кронштадт со всей России тысячи бездельников, лицемеров и кликуш, распространяющих суеверную молву о его чудесах. Все сказки, одурманивающие простой народ. В наше время чудес не бывает. Понятно, что и к чудотворцу мы подходили с ребяческим скептицизмом»⁹.

Отец Иоанн следил за течением общественной жизни в России и стремился целенаправленно влиять на умы людей. Он отозвался и на конструирование «нового христианства» Д. Мережковским, назвав этот странный новый путь «сатанинским»¹⁰. Но при личном общении с людьми иного духа, священник оставался обходительным и приветливым светским человеком.

В своих проповедях он откликался не только на события текущей жизни, но и на общее состояние духовного упадка в обществе, среди интеллигенции, в среде учащейся молодежи. В 1901 г. в Москве о. Иоанн произносит в церкви при лечебнице Лепехина Слово с осуждением принципа свободы совести. «Нет, невозможно представить человека собственной свободе совести, потому именно, что он существо падшее, растленное, и у человека страстного и совесть грешная, и свобода растленная...» Чуть позднее, в церкви лица цесаревича Николая, он произносит проповедь, в которой говорит: «Ныне жалуется многие на неограниченное свободомыслие и безбожие, царящие в интеллигентном кругу, даже среди юношей — и на происходящую отсюда нравственную распущенность и непокорность начальству и властям. Откуда это зло, подкапывающее в корни жизнь и энергию могучего, тысячелетнего, прекрасного Древа — России? От соращения умов в безверие, от того, что интеллигенция оставила Источник воды живой — Самого Христа и Церковь Его, в Котором заключается вся истина и Правда Божия, и глаголы живота вечного...»

Его голос был слышен, и его слушали в русском обществе, но воспринимали чаще все же отдельно от Церкви. Философ и публицист В. В. Розанов, выступая часто жестким критиком Русской Церкви и церковной жизни, с неизменным уважением печатно отзывался об о. Иоанне. Например, в 1901 г. писал: «Отец Амвросий Оптинский и Иоанн Кронштадтский — лучшие и типичнейшие их христиан, каких мы наблюдали, — оба замечательно светлы, радостны, жизненны... лицо о. Иоанна всем известно — это сама радость»¹¹.

Объективными целями для Русской Церкви к началу XX в. стали освобождение от стеснительной защиты государства и перестроение некоторых сторон церковной жизни, а главное — возвращение Церкви ее роли в воздействии на общество и народ. Роль о. Иоанна в решении этих задач велика. Он сумел, как деятель Церкви принять активное участие в социальной жизни страны. Своим горячим служением Церкви он привлек к ней миллионы людей.

Заклучая, нельзя не назвать главную и определяющую черту личности и деятельности о. Иоанна — его святость. В декабре 1905 г., в день пятидесятилетнего юбилея его священства протоиерей Философ Орнатский в своей речи говорил именно об этом: святость «собрала около вас миллионы народа русского, православного, носящего идеал святости в тайниках души своей; всегда готового поклониться тому, в ком он видит воплощение этого идеала»¹².

⁹ Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 87.

¹⁰ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2—1. М., 1994. С. 195.

¹¹ Розанов В. В. Религия и культура: Статьи и очерки 1902—1903 гг. М.; СПб., 2008, С. 215.

¹² Цит. по : Вениамин (Федченков), митр. Божьи люди. С. 226.